

Таймырский фронтир: механизмы этногенеза и ассимиляции в долгано-самодийском взаимодействии в XVIII–XX вв.

В.А. Кудашкин

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия

kudashkinslava@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6682-6970>

Статья поступила 25.11.25, принята 01.12.25

Данная статья посвящена комплексному историко-антропологическому исследованию процессов этногенеза и трансформации идентичности в таймырской контактной зоне – уникальном регионе взаимодействия тюркских (долганы) и самодийских (ненцы, энцы, нганасаны) народов в XVIII–XX веках. На основе междисциплинарного подхода, интегрирующего данные этнографии, демографии, архивного источниковедения и опубликованные отчёты полевых исследований, реконструируются механизмы культурной интеграции. Центральное место в исследовании, основанном на материалах Красноярского архива, занимает анализ феномена «латентной ассимиляции» и процесса «долганивания» тундровых энцев, изученных на примере детальных кейсов семей Хвостовых, Сидельниковых и Суловых. Методологической основой работы послужил источниковедческий и историографический анализ эволюции научных методов – от полевых наблюдений А.Ф. Миддендорфа до демографических реконструкций Б.О. Долгих и современных комплексных методик. Исследование выявляет две принципиально различные модели межэтнического взаимодействия: одностороннюю ассимиляцию в досоветский период и сложное многоязычие с доминирующей ролью русского языка в советское и постсоветское время. Материальная культура долган анализируется как синтетический комплекс, сформировавшийся в результате творческого переосмысления тюркских, самодийских, тунгусских и русских элементов. Научная новизна заключается в детальной проработке на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов из Красноярского края конкретных человеческих судеб (таких как фигура Око). Показано, как административный учёт, родственные связи и внешнее восприятие формировали сложную, зачастую ситуативную, картину этнической самоидентификации.

Ключевые слова: трансформация идентичности; Таймыр; долганы; самодийцы; таймырская контактная зона; латентная ассимиляция; долганивание; историография; межэтническое взаимодействие; аккультурация; этнодемография.

The Taimyr frontier: mechanisms of ethnogenesis and assimilation in the interaction between the Dolgans and the Samoyedic Peoples in XVIII–XX centuries

V.A. Kudashkin

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

kudashkinslava@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6682-6970>

Received 25.11.25, accepted 01.12.25

This article presents a comprehensive historical-anthropological study of ethnogenesis and identity transformation processes in the Taimyr contact zone – a unique region of interaction between the Turkic (the Dolgans) and the Samoyedic (the Nenets, the Enets, the Nganasans) peoples in XVIII–XX centuries. Using an interdisciplinary approach that integrates data from ethnography, demography, archival studies, and field research, the mechanisms of cultural integration are reconstructed. The study, based on materials from the Krasnoyarsk archive, focuses on the analysis of the phenomenon of "latent assimilation" and the process of "dolgization" of the tundra Enets, examined through detailed case studies of the the Khvostov, Sidelnikov, and Suslov families. The methodological basis of the work is source study and historiographic analysis of the evolution of scientific methods—from the field observations of A.F. Middendorf to the demographic reconstructions of B.O. Dolgikh and modern complex methodologies. The study reveals two fundamentally different models of interethnic interaction: one-sided assimilation in the pre-Soviet period and complex multilingualism with the dominant role of the Russian language in the Soviet and post-Soviet eras. The material culture of the Dolgans is analyzed as a synthetic complex, formed through the creative reinterpretation of Turkic, Samoyedic, Tungusic, and Russian elements. Using examples of specific human destinies (such as the figure of Oco), the article demonstrates how administrative record-keeping, family ties, and external perception shaped the complex picture of ethnic self-identification.

Keywords: identity transformation; Taimyr; the Dolgans; the Samoyedic peoples; contact zone; latent assimilation; dolgization; historiography; interethnic interaction; acculturation; ethnodemography.

Введение. В контексте современной истории, понимаемой как комплексная гуманитаристика, этногенез актуализируется как её несущий концептуальный каркас, интегрирующий разрозненные дисциплинарные

поля в целостную картину становления человеческих общностей. Преодолевая узкие рамки классической этнографии с её линейной моделью формирования этноса, современный подход, обогащённый дискуссией со спорной, но эвристичной «пассионарной теорией» Л.Н. Гумилёва, рассматривает этногенез как многолинейный и полисубстратный процесс [1]. Эта парадигма позволяет историку не просто реконструировать прошлое через призму археологических, лингвистических и антропологических методов, но и выстраивать живую связь эпох, прослеживая историческую преемственность и «длинные» причинно-следственные цепи. Тем самым этногенез из сугубо академической проблемы происхождения народов трансформируется в ключевой инструмент для понимания и объяснения фундаментальных основ современного этнического разнообразия, сложившейся структуры межнациональных отношений и, что особенно актуально, для прогнозирования динамики этнических процессов в условиях глобализирующегося мира, где вопросы идентичности и исторического наследия выходят на первый план.

Изучение этногенеза и этнической истории, требующее комплексной интерпретации данных этнографии, истории, археологии, фольклора, топонимики, антропологии, генетики и социодемографии, в связи с заметной активизацией исследований в последние годы остро нуждается в организации специализированных конференций, объединяющих специалистов различных научных дисциплин для обсуждения проблем формирования и развития отдельных этнолингвистических общностей и народов.

Историографическое исследование приобретает ключевую значимость при изучении этногенеза коренных малочисленных народов, поскольку оно позволяет критически осмыслить эволюцию научных подходов – от ранних описательных моделей классической этнографии до современных комплексных методик, интегрирующих данные антропологии, лингвистики и демографии. В контексте материалов по Таймыру именно историографический анализ выявляет как интерпретации фигуры Око и его потомков, предложенные А.Ф. Миддендорфом [2], Б.О. Долгих [3], В.И. Васильевым [4], А.А. Поповым [5] и другими ведущими учёными СССР, что отражает смену научных парадигм: от формального административного учёта к пониманию этногенеза как динамичного процесса культурной ассимиляции и трансформации идентичности. Это не только углубляет реконструкцию прошлого, но и обеспечивает методологическую рефлексия, предотвращая механическое перенесение современных категорий на исторические реалии, что особенно важно при работе с фрагментарными источниками по истории коренным малочисленным народам.

Историография. Историография изучения «таймырской контактной зоны» демонстрирует отчётливую эволюцию методологических подходов, нашедшую отражение в представленном библиографическом списке. Ранний этап исследований, представленный трудами А.Ф. Миддендорфа, характеризовался полевыми наблюдениями и фиксацией ключевых парадоксов этнической идентичности, что особенно ярко проявилось в документации случая Око – «долгана» [6] по администра-

тивным документам, но полностью интегрированного в нганасанскую среду. Советская этнографическая школа, представленная работами Б.О. Долгих, В.И. Васильева и А.А. Попова, совершила качественный скачок, разработав методику демографических реконструкций на основе скрупулёзного анализа переписей населения и архивных материалов. Именно Б.О. Долгих, чьи фундаментальные труды по родовому составу народов Сибири и этнической истории ненцев и энцев стали методологической основой для выявления «пограничных» групп, разработал подход к изучению механизмов «одолгивания» через сопоставление данных об административной принадлежности и родном языке.

Дальнейшее развитие историографической традиции связано с углублением тематических и методологических подходов. Исследования Л.В. Хомич [7] по ненцам, Ю.Б. Симченко [8] по культуре охотников на оленей, Г.Н. Грачёвой [9] по традиционному мировоззрению дополнили демографические реконструкции анализом культурных и социальных аспектов интеграционных процессов. Теоретическое осмысление этнических процессов в работах Ю.В. Бромлея [10] и С.А. Арutyunova [11] [12] создало методологическую базу для понимания трансформации идентичности как сложного многомерного процесса. Современный этап, представленный трудами З.П. Соколовой [13] О.Б. Степановой [14], В.И. Дьяченко [15] и Н.П. Копцевой [16] по материальной культуре долган и Д.А. Функа [17] по шаманским традициям, характеризуется синтезом различных методик и междисциплинарным подходом, что позволяет рассматривать этногенез отдельных народов Таймыра как исторический диалог культур, в котором заимствования творчески перерабатываются и адаптируются, формируя уникальные синтетические комплексы.

Методология и цели исследования. Методология фронта применительно к истории Таймыра предлагает рассматривать регион не как периферию или статичную «контактную зону», а как динамичный и трансформирующийся пограничный ландшафт, где происходило активное взаимодействие и взаимная адаптация различных культурных моделей. В рамках этой парадигмы этногенез долган и трансформация самодийской идентичности предстают не как линейный процесс, а как многолинейный и полисубстратный результат постоянного «освоения» и переосмысления этого пространства его обитателями. Такой подход позволяет преодолеть ограничения классической этнографии, интегрируя данные исторической демографии, антропологии и архивного источниковедения для реконструкции «длинных» причинно-следственных цепочек. Именно на Таймырском фронтире, где сталкивались и переплетались тюркские, самодийские и тунгусские традиции, административные практики Российской империи и последующие советские преобразования, наиболее рельефно проявляются сложные механизмы формирования идентичности, исследуемые через призму микроистории отдельных семей и родов. Таким образом, фронт становится ключевым концептуальным каркасом, связывающим в единую картину разрозненные дисциплинарные поля и позволяющим увидеть в частных случаях, подобных «одолгиванию» энцев, универсальные закономерности становления человеческих

общностей в зонах интенсивных межкультурных контактов.

Методологическую основу исследования составляет комплексный междисциплинарный подход, интегрирующий инструментарий исторической антропологии, социальной истории и исторической демографии. Ключевое значение приобрёл историко-антропологический метод, позволивший через анализ конкретных человеческих судеб (Око, Хвостовы, Сидельниковы) реконструировать механизмы «латентной ассимиляции» – феномена расхождения между формальной этнической атрибуцией в административных документах и реальными практиками культурно-языковой идентичности. Историографический анализ обеспечил методологическую рефлексию, проследив эволюцию научных подходов от полевых наблюдений А.Ф. Миддендорфа до демографических реконструкций Б.О. Долгих. Сравнительно-исторический метод позволил выявить региональные особенности через сопоставление моделей интеграции в западном и центральном Таймыре, в то время как микроисторический подход, сфокусированный на отдельных семейных кланах, демонстрировал, как административный учёт, родственные связи и внешнее восприятие формировали сложную мозаику этнической самоидентификации. Такой синтетический методологический базис позволил преодолеть ограничения узкодисциплинарных исследований и создать многомерную реконструкцию этнокультурных процессов в таймырской контактной зоне.

В работе употребляются определённые понятия, которые автор понимает следующим образом:

1. Одолганивание – это историко-антропологический процесс латентной этнокультурной ассимиляции, в ходе которого группы самодийского происхождения (преимущественно тундровые энцы) интегрировались в долганскую среду, что сопровождалось сменой языка, идентичности и культурных практик при сохранении в течение некоторого времени формально административной принадлежности к исходной этнической группе.

2. Таймырская контактная зона – это уникальное историко-культурное и географическое пространство на севере Сибири (в низовьях Енисея и на Таймырском полуострове), которое сформировалось как динамичный транзитный коридор и область длительного интенсивного взаимодействия между разными этнолингвистическими общностями: тюркскими (долганы), самодийскими (ненцы, энцы, нганасаны), тунгусскими (эвенки) и русскими.

Основная часть. Геополитическое и этнокультурное пространство севера Средней Сибири сформировало уникальную контактную зону в низовьях Енисея и на Таймырском полуострове, где на протяжении столетий происходит взаимодействие тюркских и самодийских народов. Эта область представляет собой исторический рубеж, где сходятся восточная периферия расселения самодийцев – ненцев, энцев и нганасан – и западная граница ареала долган, являющихся единственным тюркоязычным этносом, адаптировавшимся к жизни в высокоширотных экосистемах, если не принимать в расчёт отдельные группы северных якутов-оленьеводов. Данный регион, таким образом, изначально выступал не просто в качестве нейтральной терри-

тории, но как динамичный и транзитный коридор, где процессы межэтнической коммуникации, торгового обмена и культурной диффузии были заложены самой логикой географического соседства и кочевого уклада жизни, создавая предпосылки для глубокой интеграции в последующие исторические периоды.

Интенсификация тюрко-самодийских контактов, перешедшая из эпизодических в устойчивую и системную фазу, относится к первой половине XIX в. и была напрямую связана с административно-политическими преобразованиями Российской империи, в частности, с реформой 1822 г. [18]. Миграция на Таймыр с юго-востока, из пределов Якутии, эвенкийских родов Долган, Донгот и Эдян, и последующее их включение в административную структуру Туруханского края в виде Долгано-Есейской, Долгано-Тунгусской и Жигано-Тунгусской волостей, создало институциональную основу для постоянного присутствия тюркоязычного элемента.

Примечательно, что к этому времени представители данных родов уже являлись носителями билингвизма, сохраняя родной эвенкийский язык, но также свободно владели якутским и долганским [19], что свидетельствует о более раннем и глубоком взаимодействии с тюркским населением. Ярким свидетельством глубины и результативности этих контактов является фигура Око – основателя патронимии у вадеевских и авамских нганасан, который, судя по документам (квитанция об уплате ясака, 1818 г.) [19], административно принадлежал к Долгано-Есейской управе и был записан как «некрещёный тунгус», в то время как путешественник А.Ф. Миддендорф в 1843 г. однозначно идентифицирует его как долгана [20]. Этот случай наглядно иллюстрирует сложность этнической самоидентификации и механизмы интеграции: через административный учёт, родственные связи и внешнее восприятие, где долганский компонент стал доминирующим маркером, поглотив и трансформировав изначальную эвенкийскую основу.

Историографический анализ случая Око и его потомков демонстрирует эволюцию научного подхода от фиксации внешних административных идентификаторов к комплексной реконструкции этнокультурных процессов, основанной на критическом сопоставлении разнородных источников. Ранний пласт историографии представлен полевыми наблюдениями таких ученых, как А.Ф. Миддендорф, чья значимость заключается в первичной фиксации ключевого парадокса: несмотря на официальную этническую маркировку Око как долгана в административных документах (например, расписка 1851 г.) [19], непосредственное исследование выявило его полную культурно-бытовую и языковую интеграцию в нганасанскую среду, что заложило основу для постановки проблемы соотношения формального статуса и реальной идентичности. Качественный скачок в изучении вопроса был связан с работами Б.О. Долгих, который ввёл в научный оборот и провёл скрупулезный анализ материалов переписей населения в 1897 и 1926 гг. [19], разработав методику выявления подобных «пограничных» групп через сопоставление данных об административной принадлежности и родном языке; его заслуга состоит в том, что он не просто констатировал

факт существования 45 «долган» [21], говорящих по-нганасански, но и предложил убедительную историческую реконструкцию, связав их с фигурой Око, тем самым продемонстрировав эффективность демографических методов для историко-этнографических исследований.

Современный этап историографии характеризуется синтезом данных: привлечением устных исторических преданий для объяснения лакун в письменных источниках, что позволяет выдвигать и верифицировать гипотезы о происхождении Око как сироты, воспитанного нганасанами, и прослеживанием долгосрочной демографической динамики рода вплоть до современности, что в совокупности превращает частный случай из курьезного исключения в репрезентативную модель, иллюстрирующую сложные механизмы этногенеза, ассимиляции и трансформации идентичности в контактных зонах Севера Сибири.

Рассмотрим другой пример. Анализ материалов переписи [21] и полевых данных Б.О. Долгих, касающихся группы семей Хвостовых, позволяет выявить сложные и многогранные процессы этнокультурного взаимодействия и трансформации идентичности в тундровых сообществах Таймыра. Данный пример является показательным примером так называемой «латентной ассимиляции», когда формальная административная или статистическая принадлежность к одной группе (в данном случае, фиксация Ивана Васильевича Хвостова как «авамского самоеда» – нганасана [22]) маскирует реальные, повседневные практики интеграции в иную этническую среду. Кочевой маршрут Хвостовых, большую часть года проводивших с долганам в верховьях реки Пясины и лишь на зиму смещавшихся к Дудинке, указывает на их глубокую хозяйственную и социальную включённость в долганское сообщество. При этом устное свидетельство Николая Ивановича Хвостова, записанное в полевой экспедиции 1978 г., вносит критически важный нюанс, раскрывающий механизм этой интеграции: его отец, будучи сиротой, был воспитан долганам.

Этот факт переводит исследование из плоскости чистой демографии в область социальной истории, демонстрируя, что ключевыми каналами формирования «смешанных» групп были не только брачные связи, но и такие институты, как усыновление, которые могли кардинально менять траекторию этнической самоидентификации в течение жизни одного-двух поколений [25]. Таким образом, история семьи Хвостовых служит микромоделлю, иллюстрирующей, как через конкретные человеческие судьбы – сиротство, воспитание в чужой среде, хозяйственную адаптацию – осуществлялись масштабные исторические процессы взаимопроникновения тундровых энцев и долган, создавая ту сложную этнокультурную мозаику, которую фиксируют, но далеко не всегда могут адекватно объяснить без привлечения качественных данных, официальные документы и переписи.

Анализ метрических книг Дудинской Введенской церкви середины XIX в. позволяет реконструировать сложную сеть социальных и родственных связей, связывавших семьи Хвостовых тундровых энцев с долганам и затундринскими крестьянами [22]. Фамилия

Хвостов, фигурирующая в записях 1860–1862 гг., демонстрирует их активное участие в ключевых моментах жизни местного сообщества: Иван Никитин Хвостов выступает в роли поручителя при бракосочетании долгана и «долганской девицы» Мавры Хвостовой, а затем – крестным отцом у крестьянки. Эти факты свидетельствуют не об эпизодических контактах, а о глубокой интеграции Хвостовых в межэтническую социальную структуру региона, где они выполняли функции социальных гарантов, что говорит об их устойчивом статусе и признании со стороны соседних групп [23]. В архивных материалах приведены данные церковного делопроизводства, таким образом, выступало ценнейшим источником, выявляющим реальные практики взаимодействия, которые предшествовали и заложили основу для полной ассимиляции, зафиксированной в XX в., когда потомки Хвостовых уже ничем не выделялись из долганской среды.

Историческая глубина и устойчивость процессов этнокультурной трансформации в регионе дополнительно иллюстрируется на примере другой энецкой семьи – Сидельниковых. Их фамилия, впервые зафиксированная в окладных книгах 1768 г., демонстрирует столь же давние и прочные связи с долганам и крестьянским населением [19]. Упоминание в метрической книге 1857 г. «самоеда» Леонтия Сидельникова в качестве поручителя на браке тунгуса и крестьянской дочери указывает на существование устойчивых межэтнических социальных сетей, функционировавших на протяжении, как минимум, столетия [23]. Совместное кочевание Хвостовых и «одооганившихся» энцев Сидельниковых по одним маршрутам в 1926–1927 гг. является логическим завершением этого длительного исторического процесса [23]. Работа исследователей, таких как Б.О. Долгих, по установлению родовой принадлежности (Сонуко/Сонарэ) [19] позволяет связать разрозненные архивные упоминания в единую генеалогическую цепь, превращая отдельные фамилии из статистических единиц в исторических акторов, чьи биографии наглядно демонстрируют механизм «одооганивания» – постепенного, но необратимого поглощения части тундровых энцев более многочисленной и социально доминирующей долганской средой через браки, хозяйственное сотрудничество и общую социальную жизнь.

Анализ исторических данных о судьбе тундрово-энецких фамилий, таких как Сидельниковы и Суловы, демонстрирует заключительные этапы многолетнего процесса этнокультурной трансформации и ассимиляции, окончательно вписавшего их в состав соседних народов. Потомки энцев Сидельниковых, проживающие в Усть-Авамском сельсовете, олицетворяют собой результат этого перехода: их современная локация и брачная стратегия, как например, женитьба главы семьи на нганасанке, указывают на окончательный разрыв с прежней энецкой идентичностью и интеграцию в новую этнокультурную среду, в данном случае – нганасанскую [19], [22]. Этот пример подчёркивает, что процессы ассимиляции не являются линейными и могут вести не только к поглощению долганам, но и к вхождению в состав других коренных малочисленных народов, создавая сложные узлы межэтнического родства на карте современного Таймыра.

История фамилии Сусловых, в свою очередь, раскрывает другой мощный механизм изменения идентичности – миссионерскую деятельность, в результате которой антропонимика становится маркером культурных и административных преобразований. Появление этой фамилии, связанное с крещением энцев священником Михаилом Сусловым, является ярким примером внешнего, «навязанного» фактора этногенеза. Однако последующая судьба носителей этой фамилии иллюстрирует сложность реконструкции их исконной родовой структуры [23]. Запись в переписи 1926 г., где глава семьи Исаак Михайлович Суслов назван «самоед хантайский, Манто, прозвище Мирный», служит ценным, но недостаточным ключом для определения родовой принадлежности (Малк-Маду) [24]. Тот факт, что фамилия Мирный использовалась представителями четырёх разных энецких родов, красноречиво свидетельствует о том, как административные и миссионерские практики нивелировали тонкие различия традиционной социальной организации. Эта генеалогическая неопределённость является не пробелом в исследовании, а прямым свидетельством глубины произошедших изменений, когда внешние идентификаторы, данные государством и церковью, постепенно вытеснили и затмили сложную систему родовых самоназваний, окончательно перекроив этническую карту региона.

Данные демонстрируют заключительную, необратимую фазу языковой и культурной ассимиляции тундровых энцев, где долганский язык и идентичность становятся доминирующими [25]. Критическим индикатором этого процесса является ситуация в семейно-брачных отношениях: жены в изучаемых семьях – исключительно долганки или эвенкийки, что указывает на разрыв брачных связей с энецкой средой и, как следствие, на отсутствие естественного канала передачи родного языка следующему поколению. Языковая ситуация носит ярко выраженный генерационный характер: для старшего поколения (Исаак Суслов, Павел Сидельников) энецкий язык («манто») ещё является реальностью, пусть и маргинализованной; их дети уже утрачивают его, полностью переходя на долганский [26]. Наиболее показателен феномен, зафиксированный переписчиком: попытки отдельных лиц (Михаил Сидельников, Иван Хвостов) апеллировать к энецкой идентичности («хантайский самоед») оказываются неубедительными для окружающих и не подкрепляются семейной памятью [26]. Это свидетельствует о том, что к 1920-м гг. их этническая самоидентификация стала скорее реликтовой или мифологизированной, нежели актуальной социальной практикой, и была окончательно вытеснена повседневной долганской идентичностью.

Исторический анализ ассимиляционных процессов был бы неполным без учёта региональных различий, что наглядно демонстрирует пример лесных энцев. Судьба лесных энцев, в частности семей Силкиных и Статейкиных, хотя и развивалась в том же ассимилятивном ключе, демонстрирует несколько иную хронологию и траекторию интеграции. Их кочевые маршруты по рекам Пясине, Дудыпте и далее на север указывают на тесное хозяйственное взаимодействие с долганами в отдалённых районах, что, несомненно, ускоряло процессы акку-

льтурации [26]. Однако архивные документы позволяют провести более чёткую временную границу. Если Силкины фиксируются в смешанной среде уже в 1920-е гг., то для Статейкиных удаётся установить, что их вхождение в состав долганского сообщества произошло сравнительно поздно – не ранее последних десятилетий XIX в., поскольку в 1860–1870-х гг. они ещё устойчиво идентифицируются в метриках и административных списках как «карасинские самоеды» [27]. Эта разница в сроках перехода подчёркивает, что процесс «одолганивания» не был единовременным актом, а представлял собой протяжённую во времени волну, захватывавшую разные группы в зависимости от конкретных обстоятельств – интенсивности кочевых контактов, брачной политики и, вероятно, локальных экономических факторов [28]. Таким образом, каждая фамилия представляет собой уникальный хронотоп ассимиляции, вписанный в общую, но не синхронную картину этнодемографической трансформации региона.

Анализ представленных данных позволяет выявить две исторически и социально обусловленные модели этнокультурного взаимодействия, сменяющие друг друга во времени. Для досоветского и раннесоветского периодов, реконструируемых по материалам переписи 1926 г. и полевым воспоминаниям, была характерна модель односторонней ассимиляции, когда энцы либо отдельные ненецкие семьи интегрировались в долганскую среду через браки и совместное кочевание, что неизбежно вело к утрате родного языка и идентичности, как это наглядно демонстрируют примеры семей Болиных, Сидельниковых и Хвостовых, где языковой сдвиг в пользу долганского языка завершался в течение жизни одного-двух поколений [29].

Однако в советский период происходит кардинальная трансформация этнолингвистической ситуации, обусловленная процессами урбанизации, распространением всеобщего образования на русском языке и изменением хозяйственного уклада. На смену ассимиляции приходит модель многоязычия с доминирующей ролью русского языка, особенно ярко проявляющаяся в смешанных семьях на центральном Таймыре, где русский становится универсальным инструментом общения не только в публичной, но и в частной сфере для долгано-нганасанских пар [30]. Эта трансформация свидетельствует о фундаментальном сдвиге: если ранее межэтнические контакты вели к поглощению малых групп более крупными, то в современных условиях все коренные малочисленные народы в равной степени оказываются включены в общее поле, где русский язык выступает универсальным медиатором, нивелируя прежние ассимиляционные давления, но одновременно создавая новые вызовы для сохранения всех автохтонных языков таймырского региона, включая и долганский.

Анализ материальной культуры долган позволяет реконструировать их этногенез как сложный, многослойный процесс аккультурации, в ходе которого сформировался уникальный синтетический комплекс, интегрирующий элементы разного происхождения в функциональное целое. Данный материал наглядно иллюстрирует, что культурные заимствования не были простым копированием, а подвергались глубокой адаптацией и переосмыслению в рамках собственной хозяй-

ственной логики. Так, базовый элемент транспортной системы – тип нарт – имеет самодийское происхождение, однако способ упряжки и посадки справа демонстрирует тунгусский (эвенкийский) субстрат, определяющий практику использования [16].

Подобный синтез наблюдается и в оленеводстве: долганы переняли у самодийцев пастушескую собаку и специфические методы охоты (с манщиком и сетью), что свидетельствует о глубоком усвоении северного опыта освоения тундры. В то же время они выступили ключевыми агентами культурной трансмиссии, адаптировав и распространив среди соседних самодийских народов заимствованный у русских балок – модернизированный тип зимнего жилища, что кардинально изменило быт всего региона в XX в.

Таким образом, долганы предстают не пассивными реципиентами, а активными посредниками и новаторами, чья культура является динамичным продуктом длительного межэтнического взаимодействия, где тюркская основа была последовательно дополнена и переработана через самодийские и эвенкийские влияния, а также элементы русской материальной культуры, что в конечном итоге и сформировало их уникальный этнокультурный облик в рамках таймырской контактной зоны.

Таким образом, анализ культурно-бытовых контактов между долганами и самодийцами Таймыра в XX веке выявляет формирование двух различных региональных моделей интеграции, обусловленных спецификой хозяйственного уклада и глубиной совместного проживания. На западе Таймыра в Усть-Енисейском районе длительное совместное кочевание долган с энцами и ненцами в рамках оленеводческих бригад привело к практической аккультурации долган в самодийской среде, что выразилось в полном переходе на использование ненецкой малицы в качестве повседневной рабочей одежды и ненецкого типа чума в весенне-летний период [17]. Этот процесс демонстрирует, как производственная необходимость и тесный быт в рамках коллективизированного хозяйства стали катализатором глубокого заимствования материальной культуры. В то же время на центральном Таймыре, где контакты между долганами и нганасанами имели иную социально-экономическую основу, автор наблюдает противополо-

жную тенденцию – устойчивое сохранение обеими группами традиционных элементов костюма и летнего жилища, что указывает на более выраженные этнокультурные границы и, возможно, иную динамику межэтнических отношений в этом ареале.

Проведённое исследование этнокультурных процессов в таймырской контактной зоне позволяет сделать фундаментальный вывод о том, что этногенез автохтонов региона представляет собой нелинейный многомерный процесс, осуществлявшийся через сложное переплетение различных моделей интеграции. На примере детально реконструированных судеб энецких семей (Хвостовы, Сидельниковы, Сусловы) выявлены механизмы «латентной ассимиляции», когда формальная этническая атрибуция в административных документах вступала в противоречие с реальными практиками культурной и языковой идентичности, причём ключевую роль в этих процессах играли не только брачные стратегии, но и такие социальные институты, как усыновление. Историко-демографический анализ, подкреплённый историографией, позволил установить, что трансформация идентичности носила генерационный характер и завершалась в течение жизни двух-трех поколений, при этом различные энецкие группы были вовлечены в процесс «одолгивания» в разное время, образуя своеобразные «волны» ассимиляции. Особую значимость имеет выявленная историографическая эволюция методов исследования от фиксации внешних административных маркеров к комплексной реконструкции, интегрирующей архивные источники, полевые наблюдения и устные предания. Синтетическая природа долганской культуры, вобравшей в себя тунгусские, самодийские и русские компоненты, и их роль как культурных посредников в регионе подчёркивают, что этногенез следует понимать как непрерывный диалог, в котором заимствования творчески перерабатываются и адаптируются. Наконец, исследование зафиксировало кардинальную трансформацию моделей межэтнического взаимодействия в XX веке – переход от односторонней культурной и языковой ассимиляции к сложной системе многоязычия с доминирующей ролью русского языка, что указывает на вступление этнических процессов Таймыра в качественно новую фазу, требующую дальнейшего междисциплинарного изучения.

Литература

1. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеониздат, 1990. – 528 с.
2. Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. – СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1860. – Ч. 2. – 456 с.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
4. Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. – М.: Наука, 1979. – 243 с.
5. Попов А.А. Нганасаны. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Вып. 1. – 238 с.
6. Долгих Б.О. Происхождение долган. Сибирский этнографический сборник. М., 1963, т.V, с. 100.
7. Хомич Л.В. Ненцы. – СПб.: Русский двор, 1995. – 336 с.
8. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. – М.: Наука, 1976. – 310 с.
9. Симченко Ю.Б. Традиционные верования нганасан. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1996. – 218 с.
10. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
11. Арутюнов С.А. Этнические процессы в современном мире. М., 1987.
12. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 243 с.
13. Соколова З.П. Жилище народов Сибири. – М.: Наука, 1998. – 288 с.
14. Степанова О.Б. Традиционная материальная культура долган. – Новосибирск: Наука, 2010. – 284 с.
15. Дьяченко В. И. Женщина в тундре (гендерная роль долганки в традиционном оленеводческом хозяйстве). Социальная организация у народов Сибири: традиция и современность: сборник научных статей. – СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 202–246.

16. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края). Ч. 1. Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края: [монография] / ред. Н.П. Копцева. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012. – 645 с.
17. Тюркские народы Восточной Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Алексеев ; сост. Д.А. Функ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М. : Наука, 2008. – 422 с.
18. Кодан С.В. М.М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1988. С. 114–123.
19. Долгих Б.О. Происхождение долган. – Сибирский этнографический сборник. М., 1963, т. V, с. 100.
20. Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб, 1878, ч. II, с. 690, 692, 694.
21. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб, 1911, т.2, с. 393.
22. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р.-769. Оп. 5, Д. 117, Л. 19–20.
23. Кудашкин В.А. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Енисейской епархии во второй половине XIX в. (на примере жизнеописания архимандрита Макария (Суслова)) / Кудашкин В.А., Наумова Н.Н.// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3–3 (53). С. 93–95.
24. ГАКК. Ф.727. Оп.1, Д. 10, Л. 10–11.
25. ГАКК. Ф.Р.-769, Оп. 5. Д. 116, Л. 105–105.
26. Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979, с. 197.
27. ГАКК. Ф.Р.-769, Оп.5, Д. 116, Л. 99–100.
28. ГАКК. Ф.Р.-769, Оп.5, Д. 117, Л. 17–20.
29. ГАКК. Ф.Р.-727, Оп.1, Д. 12, Л. 12.
30. ГАКК. Ф. 117, Оп.1, Д. 98, Л. 16.
31. Долгих Б.О. О родоплеменном составе и распространении энцев. – СЭ, 1946, № 4. С. 114.
8. Simchenko Yu.B. The Culture of Reindeer Hunters of Northern Eurasia. – Moscow: Nauka, 1976. – 310 p.
9. Simchenko Yu.B. Traditional Beliefs of the Nganasans. – Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 1996. – 218 p.
10. Bromley Yu.V. Ethnos and Ethnography. Moscow, 1973.
11. Arutyunov S.A. Ethnic Processes in the Modern World. Moscow, 1987.
12. Arutyunov S.A. Peoples and Cultures: Development and Interaction. Moscow: Nauka, 1989. – 243 p.
13. Sokolova Z.P. Dwelling of the peoples of Siberia. – M.: Nauka, 1998. – 288 p.
14. Stepanova O.B. Traditional material culture of the Dolgans. – Novosibirsk: Nauka, 2010. – 284 p.
15. Dyachenko V.I. Woman in the Tundra (Gender Role of a Dolgan Woman in Traditional Reindeer Herding). Social Organization Among the Peoples of Siberia: Tradition and Modernity: A Collection of Scientific Articles. – St. Petersburg: MAE RAS, 2017. Pp. 202–246.
16. Indigenous Peoples of the North and Siberia in the Context of Global Transformations (based on the Krasnoyarsk Territory). Part 1. Conceptual and Methodological Foundations of the Research. Ethnocultural Dynamics of Indigenous Peoples of the Krasnoyarsk Territory: [monograph] / ed. N.P. Koptseva. – Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2012. – 645 p.
17. Turkic Peoples of Eastern Siberia / Eds. D.A. Funk, N.A. Alekseev; compiled by D.A. Funk; N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 2008. – 422 p.
18. Kodan S.V. M.M. Speransky and the Codification of Siberian Legislation // The Policy of Autocracy in Siberia in the 19th – Early 20th Centuries. Irkutsk, 1988. pp. 114–123.
19. Dolgikh B.O. Origin of Dolgans. – Siberian ethnographic collection, M., 1963, vol. V, p. 100.
20. Middendorf A.F. Travel to the north and east of Siberia. St. Petersburg, 1878, part II, p. 690, 692, 694.
21. Patkanov S.K. Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, the language and clans of foreigners. St. Petersburg, 1911, vol. 2, p. 393.
22. State Archives of Krasnoyarsk Krai (GAKK). F.R.-769. Op. 5, D. 117, L. 19–20.
23. Kudashkin V.A. Missionary activity of the Russian Orthodox Church in the Yenisei diocese in the second half of the 19th century (based on the life of Archimandrite Makarii (Suslov)) / Kudashkin V.A., Naumova N.N.// Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and practical issues. 2015. No. 3–3 (53). P. 93–95.
24. GACC. F.727. Op.1, D. 10, L. 10–11.
25. GACC. F.R.-769, Op. 5. D. 116, L. 105–105.
26. Vasiliev V.I. Problems of the formation of the Northern Samoyedic peoples. M., 1979, p. 197.
27. GACC. F.R.-769, Op.5, D. 116, L. 99–100.
28. GAKK. FR-769, Op.5, D. 117, L. 17–20.
29. GAKK. FR-727, Op.1, D. 12, L. 12.
30. GAKK. F. 117, Op.1, D. 98, L. 16.
31. Dolgikh B.O. On the Tribal Composition and Distribution of the Enets. – SE, 1946, No. 4. P. 114.

References

1. Gumilyov L.N. Ethnogenesis and biosphere of the Earth. – L.: Gidrometeoizdat, 1990. – 528 p.
2. Middendorf A.F. Travel to the north and east of Siberia. – St. Petersburg. : Publishing House of the Imperial Academy of Sciences, 1860. – Part 2. – 456 p.
3. Dolgikh B.O. The clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century. – M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. – 622 p.
4. Vasiliev V.I. Problems of formation of Northern Samoyedic peoples. – M.: Nauka, 1979. – 243 p.
5. Popov A.A. Nganasans. – M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948. – Issue. 1. – 238 p.
6. Dolgikh B.O. Origin of Dolgans. Siberian ethnographic collection. M., 1963, vol. V, p. 100.
7. Khomich L.V. Nenets. – St. Petersburg: Russkiy Dvor, 1995. – 336 p.